

АФГАНИСТАН В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой новой и новейшей истории
Владимирского государственного гуманитарного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Д. А. Макеев*

В статье освещается комплекс мер Великобритании и России, направленных на закрепление своих позиций в Центральной Азии, выявляется отношение афганского правительства к действиям соперниц.

***Ключевые слова:** Афганистан, Центральная Азия, Великобритания, Россия, англо-русское соперничество, миссия Дэна.*

A. Sal'nikova

AFGHANISTAN IN THE POLICY OF GREAT BRITAIN AND RUSSIA IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The article covers the complex of measures of Great Britain and Russia, directed at consolidating their positions in Central Asia, and reveals the attitude of the Afghan government toward the rivals' actions.

***Key words:** Afghanistan, Central Asia, Great Britain, Russia, English-Russian rivalry, Dan's mission.*

В начале XX в. англо-русские отношения в Центральной Азии оставались довольно напряженными. Решение памирского вопроса ненадолго охладило пыл соперниц. Внимание России и Великобритании было вновь направлено на Афганистан.

Несмотря на значительный интерес исследователей к теме англо-русского противостояния в Центрально-Азиатском регионе, политике империй в отношении Афганского государства в конце XIX – начале XX в. уделяется недостаточно внимания. Однако

именно в это время происходила довольно активная дипломатическая и политическая борьба за укрепление позиций в Центральной Азии. Об этом свидетельствуют документы фондов Архива внешней политики Российской империи, работы британских и отечественных военных и политических деятелей.

К концу XIX в. в правящих кругах России усилилось опасение, что Великобритания может пойти на изменение статус-кво в Центрально-Азиатском регионе, подчинив себе Кабул силовыми методами. Я. А. Карамов,

исследовав документы Азиатской части Главного штаба и штаба Туркестанского округа, приходит к заключению, что у Петербурга был операционный план на случай войны с Афганистаном и Великобританией, в основе которого лежало предположение, что Россия будет действовать наступательно. Историк подчеркивает, что Россия не стремилась к каким-либо приобретениям по левую сторону Аму-Дарьи, а ее мероприятия, в частности: укрепление форпостов, разработка операционных планов и железнодорожное строительство, носили чисто оборонительный характер [5, с. 53–55]. Естественно, Лондонский кабинет смотрел на эти действия как на новое проявление агрессии со стороны Российской империи.

В 1899 г. пост вице-короля Индии занял русофоб Джордж Натаниэль Керзон. Он сразу провел реформы в области экономического и военного контроля на северо-западной границе Индии. Одним из важных шагов стало железнодорожное строительство. План Керзона заключался в создании железнодорожной сети от Каира до Шанхая, чтобы стальное полотно шло из Каира к Красному морю и Индийскому океану, через территории Персии и Афганистана, соединяясь с сетью индийских железных дорог, которая, в свою очередь, соединится с китайской, имея выходной порт в Шанхае. П. А. Риттих отметил, что подобным образом Великобритания достигала важных для себя целей: парализовала значение Багдадской железной дороги, отрезала Россию от береговой линии в Персии и задерживала при возможном продвижении через Афганистан [7, с. 5]. С назначением лорда Керзона на пост вице-короля Индии отношения между англо-индийским правительством и афганским эмиром оживились, но старания вице-короля подчинить Абдурахман-хана своему влиянию были тщетными. Эмир противился плану постройки железной дороги, проведению линий телеграфа и введению свободной торговли [1, л. 92]. В Афганистане план прокладки железнодорожного полотна из Хайберского прохода был заменен на продление уже существующего северо-западного от Пешавара до

Джамруда на 10 миль. Между Пешаваром и Кохатом была построена «давно желаемая» колесная дорога через Кохатский перевал и стратегическая дорога в дополнение к существовавшей на Али-Месджид в Хайберском районе. Несколько позднее Нушки был соединен с Кветтой [4, с. 296]. По поступавшим в МИД России сообщениям, отношения между Великобританией и Афганистаном «несколько пошатнулись... вследствие стремления англичан придать возможно большее значение создаемому ими пути на Нушки в обход Афганистана» [1, л. 92]. Эмир, увидев в этом угрозу своим интересам, «воспретил в виде репрессалий вывоз в Индию лошадей, сельскохозяйственных продуктов, а затем и зерна» [1, л. 92]. Заключительным этапом формирования системы пограничных путей явились работы по проведению дороги вдоль левого берега реки Кабул до Дакки [4, с. 296]. Лорд Керзон, совершивший в 1888 г. путешествие по Закаспийской железной дороге, которая его так интересовала, собрал материал о ее функционировании и стратегическом значении для Британской Индии*. Он пришел к выводу, что строительство Закаспийского полотна изменило стратегический баланс в Центральной Азии и, заняв пост вице-короля Индии, предложил свой план прокладки железнодорожных путей.

С 1900 г. Афганистан вновь сделался объектом переписки между Петербургом и Лондоном. Причиной тому был меморандум, переданный 25 января (6 февраля) 1900 г. лорду Солсбери, в котором МИД России уведомляло британское правительство о своем «намерении вступить в соглашение с Афганистаном по неполитическим вопросам пограничного свойства» [2, л. 12]. Императорское правительство, говорилось в меморандуме, «считает совершенно неизбежным установление непосредственных сношений с Афганистаном по пограничным делам, причем эти сношения не будут иметь политического характера» и Афганистан по-прежнему считается не входящим в сферу влияния России [3, л. 24]. Первая попытка Великобритании ограничить и даже прекратить непосредственные сношения России с Афганистаном

была предпринята, когда переписка туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана с Шер Али попала в руки британских офицеров при взятии ими Кабула в 1879 г. МИД России отмечает, что это «не представляло для нас особенных неудобств, так как в то время русские владения еще не соприкасались с афганскими», и соответствующие инструкции были даны туркестанскому генерал-губернатору [3, л. 24; 1, л. 93]. Присоединение Мерва к России сделало русские владения пограничными с Афганистаном. В 1885 г. лорд Солсбери снова пытался сделать так, чтобы русско-афганские отношения на границе велись через афганских офицеров, но получил отказ российской стороны [3, л. 24]. Введение в 1897 г. Бухары в таможенную черту России и процесс развития торгово-экономических связей среднеазиатских владений Российской империи с афганской территорией «поставило на очередь вопрос об обеспечении России более действительного способа сношений с Афганистаном» [3, л. 24; 1, л. 94]. В этих условиях не представлялось возможным воздерживаться от непосредственных контактов с соседним государством и относиться безучастно к происходящим в нем событиям.

Британское правительство, ссылаясь на признание Россией Афганистана вне сферы ее влияния по соглашению 1872–1873 гг., заявило, что «не может согласиться на изменение существующих условий и войти с предложением к эмиру без более точного выяснения того способа, который Россия желала бы ввести для сношений между пограничными властями, какие должны быть границы этих сношений и гарантии, что эти границы будут соблюдены» [4, с. 298]. А. Гамильтон отмечает: «Если бы уступка, которую требовала нота от 6 февраля 1900 г., была сделана, то в Кабуле появилось бы влияние, враждебное нашему по духу, которое с первых же дней своего существования стало бы подкапываться под наше положение» [4, с. 321]. Британский кабинет неоднократно пытался вызвать императорское правительство на более подробное обсуждение и определение условий непосредственных отношений Рос-

сии и Афганистана и способа их практического осуществления. МИД России постоянно уклонялось от каких-либо переговоров с Лондоном по данному вопросу вплоть до 1906 г., так как полагало «несвоевременным, по общему ходу дел в Средней Азии, связывать себя обязательствами перед Англией в этом отношении» [3, л. 24]. В Великобритании всерьез были обеспокоены сложившейся ситуацией. Стало ясным, что, хотя Россия ничего не ответила на возражение Форин Офис, она все же не отказалась от цели, которую преследовала. В середине августа 1902 г. русские власти дважды входили в тайные сношения с афганским эмиром. «Необходимость более близких сношений с Афганистаном так увеличилась, – писало «Новое время», – что теперь уже невозможно соблюдать соглашение 1873 года... Развитие сношений между местными народностями, возрастающих с каждым годом вследствие одной близости друг к другу, требует применить меры к установлению нормальных сношений с Афганистаном, которые только и возможны с соседним государством» [6]. В «Санкт-Петербургских биржевых ведомостях» отмечалось: «Теперь, когда русские передовые посты выдвинуты на афганскую границу, было бы неблагоприятно, если бы Кабул продолжал оставаться недосыгаемым» [8].

Сообщив британскому кабинету о своих намерениях, МИД России направило эмиру письмо, в котором говорилось о необходимости установления более тесных торговых отношений, в частности об открытии торговых путей для российских купцов в Афганистан и для афганцев в российских пределах. Дурбар в резкой форме отклонил это предложение. Хабибулла-хан ответил царскому правительству, что он не отказывается от обсуждения данного вопроса, но советовал в будущем производить обмен мнениями через индийское правительство [4, с. 316–317]. Особую тревогу попытка установить прямые отношения с Афганистаном вызвала у англо-индийского правительства. Поступок России обратил внимание на неопределенность отношений между Калькуттой и Кабулом. По заключенному во время второй англо-афган-

ской войны с Абдуррахманом договору внешние отношения Афганистана должны вестись только через британское правительство. Договор носил индивидуальный характер и требовал перезаключения. Будучи провозглашенным эмиром Афганистана, Хабибулла отправил Керзону письмо, в котором сообщал, что «был принят армией и народом как законный владетель Афганистана», и добавлял: «Мой долг – вести себя таким же образом, как вел мой уважаемый отец, и я буду другом его друзей и избегать его врагов» [12, р. 215]. По прошествии года со смерти отца Хабибулла-хан не высказывал намерения вступить по данному вопросу в переговоры с Великобританией. Несмотря на это, он продолжал получать британскую субсидию и пользоваться вкладами своего отца в Индийском казначействе [4, с. 318]. Лорд Керзон дважды приглашал Хабибулла-хана приехать в Индию для обсуждения вопросов, связанных с заключением нового договора, на что афганский эмир не давал своего согласия. Беспокойство вице-короля Индии росло, подпитываясь завоевавшими некоторое доверие на северо-западной границе слухами о том, что эмир обсуждал союз с Россией [12, р. 217]. В связи с этим британское правительство приняло решение направить дипломатическую миссию, возглавляемую сэром Льюисом Дэном, в Кабул. Дэну было поручено добиться принятия эмиром ряда требований: подтвердить обязательства, данные Абдуррахман-ханом, главным из которых был полный контроль внешних сношений Афганистана; добиться согласия на строительство железной дороги от Чамана до Кандагара и от Пешавара до Кабула, на проведение индийской телеграфной линии на Кабул и Кандагар и устройство телеграфного сообщения между Кабулом, Мазари-Шарифом и Гератом, между Кабулом и Кандагаром, Кандагаром и Гератом; ограничить ввоз в Афганистан оружия, заказанного эмиром из Германии [4, с. 330; 9, с. 158; 12, р. 218].

27 ноября 1904 г. миссия выехала из Пешавара. Еще 7 (20) ноября российский консул Клемм сообщал из Бомбея, что британские войска были сосредоточены на аф-

ганской границе на случай, «если понадобятся поддержать требования посольства силой» [9, с. 158]. Для инспектирования войск на афганскую границу направился и главнокомандующий армией в Индии генерал Китченер. Отправка миссии Дэна и сосредоточение войск являлись результатом поворота в британской политике по отношению к Афганистану. В 1904 г. Комитетом государственной обороны Великобритании при участии лордов Керзона и Китченера была разработана записка. Ее главная мысль заключалась в том, что в случае войны с Россией главным и почти единственным, во всяком случае, решающим театром военных действий должна служить Средняя Азия. Здесь, по мнению Китченера, нужно искать наиболее уязвимый и для Великобритании наиболее доступный фронт русской обороны в ее среднеазиатских владениях, в ее мусульманском населении. Такой взгляд придавал теперь афганскому театру совершенно иной характер: «Оборона Индии должна быть отныне не пассивной, а активной, а Афганистан должен быть подготовлен как передовой театр обороны Индии, который должен быть вынесен вперед к русским границам – Чар-Вилайету и Батхызу» [3, л. 22–23]. Таким образом, Великобритания изменила свой взгляд на Афганистан, в котором она видела уже не буфер, а передовой театр, афганские войска являлись не союзными, а авангардом имперской англо-индийской армии. Все это приводило к необходимости подготовить Афганистан как передовой театр в политическом и военно-инженерном отношении, т. е. теснее установить связь с Афганским государством: улучшить пути, построить шоссе, спроектировать телеграфные и железнодорожные линии, устроить базы, построить укрепления, сосредоточить запасы и принять всевозможные меры к реорганизации и усилению афганской армии [3, л. 22–23].

Британская миссия прибыла в Кабул 10 декабря. Через четыре дня на дурбаре афганский эмир поднял вопрос о военном сотрудничестве и даже предложил план совместного нападения на Россию, находившуюся в состоянии войны с Японией. Вероятно, это

было вызвано сильным впечатлением, которое произвели на Хабабуллу победы японцев. Англо-индийское правительство решило воспользоваться планами эмира и, настаивая на неподготовленности афганской армии, противостоять силам России, Дэн был уполномочен предложить помощь в виде улучшения коммуникаций между Индией и Кабулом, а также необходимой консультации с британскими военными экспертами. Хабибулла-хан заявил, что он надеялся на поддержку военными запасами и деньгами, но не был готов разрешить строительство дороги из Пешавара в Кабул, так как «это рассматривалось бы его подданными как стрела, выпущенная в сердце Афганистана» [12, с. 218–219]. При этом эмир предложил железнодорожное строительство только на юге Афганистана [11, р. 178]. Переговоры зашли в тупик, и Керзон заявил, что Дэн не был уполномочен обсуждать предложенный военный план, но если эмир посетит Индию, то данный вопрос будет решаться с подходящими властями [12, р. 220]. Хабибулла-хан, продолжая отказываться от подписания проекта договора, предложил свой, в котором он подтверждал обязательства, принятые его отцом. Правительство лорда Керзона желало отказаться от дальнейших переговоров. По его мнению, условия эмира были опасны для интересов Индии и фатальными для британского престижа в Афганистане [11, р. 179]. Лондон отмечал, что Хабибулла все еще предлагал им контроль над внешней политикой своей страны и, учитывая «русскую угрозу», такое предложение имело смысл [11, р. 179; 12, р. 221]. Несмотря на протесты со стороны индийского правительства, 21 марта 1905 г. был подписан договор, по которому подтверждался контроль над внешними сношениями Афганистана взамен на ежегодную пенсию эмиру и разрешение ввозить военное снаряжение через Индию [10, р. 282–283]. Соглашение удовлетворяло интересам Хабибулла-хана, так как британское правительство признавало его в качестве «независимого владельца» Афганистана [12, р. 222]. Однако эта независимость была лишь на бумаге. Великобритания в целом не получила ничего

нового, так как Хабибулла принял на себя обязательства, данные Абдуррахман-ханом, и не согласился ни на одно из требований, предложенных в проекте Керзона.

А. Гамильтон, оценивая результаты миссии, писал: «Положение до прибытия мистера Дэна в Кабул нисколько не изменилось перед его отъездом из афганской столицы, если не считать существенные уступки, сделанные афганскому эмиру, который взамен ничего не уступил» [4, с. 332]. По его мнению, ратификация договора с Хабибулла-ханом не удовлетворяла задачам британской политики в Центральной Азии и «установила тот факт, что эмир не расположен к нам и не надежен» [4, с. 333]. Правительство лорда Керзона в депеше, опередившей доклад о миссии, писало в мае 1905 г.: «Одно удовлетворение, которое мы можем видеть, заключается в том, что эмир, достигнув своих главных целей и достигнув их по-своему, был очень доволен после отъезда британской миссии. Нельзя отрицать того, что такое отношение само по себе более ценно, чем какие-либо условности на бумаге, но чтобы ценность эта была существенная, необходимо, чтобы такое отношение продолжалось» [12, р. 223]. Британский историк Фрезер-Тайтлер отмечает: «Результаты были скудные в сравнении с длинным и пышным облачением пунктов, предложенных для переговоров правительством Индии, но они принесли очень щедрые дивиденды... Эффект, произведенный этим договором, проложил путь визиту эмира в Индию в 1907 г.» [11, р. 179]. Возвратившись в Афганистан, Хабибулла-хан провозгласил политику дружбы с Великобританией, которая обеспечила нейтралитет Афганистана в годы Первой мировой войны. А. Гамильтон полагал, что главная ошибка, расстроившая британскую индо-афганскую политику, заключалась не в самом факте отправления этой миссии, а в том, что Королевское правительство, посылая миссию, не решило, до какой степени и на какой почве кабинет будет настаивать на своих требованиях в случае упорства Хабибулла-хана. Он также отмечал факт беспорядочного ведения переговоров, сравнивая его

с музыкой, «которой афганцы отпраздновали отъезд миссии, когда семь граммофонов одновременно смешались в звуках нестройной оргии» [4, с. 327–328].

Проведя в Кабуле несколько месяцев, британская миссия смогла получить от афганского эмира только подтверждения договоров, подписанных Абдуррахман-ханом с Королевским правительством. Великобритания не смогла добиться принятия Хабибуллой тех пунктов, которые были предложены в проекте лорда Керзона. Однако соглашение сохраняло зависимость Афганистана от Великобритании и в то же время, как указывает Н. А. Халфин, «не очень раздражало царскую Россию», в которой британское правительство уже видело своего потенциального союзника в борьбе против Германии [9, с. 159]. Что касается афганского эмира, то он, во-первых, только подтвердил соглашения, заключенные с его отцом, и

не принял на себя никаких новых обязательств, во-вторых, добился, хотя и на бумаге, статуса независимого владельца Афганистана, в-третьих, продолжал получать денежную субсидию от Великобритании.

В начале XX в. Афганистан по-прежнему оставался объектом англо-русского соперничества, о чем свидетельствуют намерение России установить непосредственные пограничные сношения с Афганским государством и попытка Великобритании расширить свое влияние в этой стране, довольно активное железнодорожное строительство соперничавших держав и существование у них планов военных действий на случай возможного военного конфликта. Наряду с этим постепенно намечались признаки надвигающегося поворота в политике Великобритании и России, позволившие в 1907 г. решить «афганский вопрос».

ПРИМЕЧАНИЕ

* Керзон представил свои заключения в работе: *Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question*. London: Longmans, Green and Co, 1889. 477 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 137 «Отчёты МИД России». Оп. 475. Д. 128 «Отчёт о деятельности МИД за 1899 г.».
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147 «Среднеазиатский стол (1828–1917 гг.)». Оп. 485. Д. 839 «Переписка по вопросу о соглашении между Англией и Россией по афганским делам (1885 г., 1907 г.)».
3. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147 «Б» «Среднеазиатский стол (1873–1917 гг.)». Оп. 486. Д. 232 «Непосредственное соглашение с Афганистаном и англо-русское соглашение 1907 г.».
4. *Гамильтон А.* Афганистан. СПб.: В. Березовский, 1908. 334 с.
5. *Карамов Я. А.* Граница с Афганистаном в конце XIX – начале XX века в военно-стратегических планах России // Вестник Московского Университета. Сер. 8. 1999. № 5. С. 50–59.
6. Новое время. 1902. 19 (31) августа.
7. *Риттих П. А.* Афганский вопрос (Военно-географический и политический этюды). СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1905. 89 с.
8. Санкт-Петербургские биржевые ведомости. 1902. 4 сентября.
9. *Халфин Н. А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX века). М.: Соцэкгиз, 1959. 210 с.
10. *Aitchison C. U.* A collection of Treaties, Engagements and Sanads, relating to India and neighbouring countries. Vol. XIII. Calcutta: Government of India. Central publication branch, 1933. 564 p.
11. *Frazer-Tyler W. K.* Afghanistan. A study of political developments in Central and Southern Asia. Oxford: The University Press, 1967. 362 p.
12. *Sykes P.* A history of Afghanistan. Vol. II. London: Macmillan, 1940. 414 p.